

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

ПОЛЕМИКА МЕЖДУ КАЗИ АТАЖУКИНЫМ И ТИМОФЕЕМ МАКАРОВЫМ ПО ПОВОДУ ВВЕДЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ В КАБАРДЕ

Т. А. БЕКОЕВА, А. Г. КУДЗАЕВА

Большое значение для появления адыгской письменности и развития просвещения в Кабарде имела прогрессивная деятельность первых адыгских просветителей Ж. Казаноко, Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея и особенно К. М. Атажукина, который стал автором азбуки кабардинского языка, объективно способствовал созданию условий для разработки адыгской письменности, открытию школ и созданию книг на родном языке. К. М. Атажукин выступал за светское начало в образовании, боролся против антипедагогических методов обучения, засилья мусульманского духовенства. Его деятельность способствовала появлению школ, в которых изучались материнский и русский языки.

В педагогической деятельности Кази Атажукина можно выделить два этапа: первый – с 1858 по 1864 гг., когда просветитель составляет алфавит кабардинского языка, переводит книги для чтения для горцев, печатает их и «Кабардинскую азбуку» в Тифлисе. Второй этап начался в 1865 г., в это время Кази Атажукин открывает в Нальчике педагогические курсы и пытается обобщить свой опыт в статьях «Попытки введения кабардинской письменности», «Ответ г. Тимофею Макарову» и других, публикует на кабардинском языке сказания «Пши-Бадыноко» и «Ашамез».

Вскоре после выхода в свет статьи Кази Атажукина «Попытки введения кабардинской письменности» в 17 номере газеты

«Терские ведомости» была опубликована статья Т. Макарова, не имеющая заголовка [1]. Тимофей Макаров был учителем Санкт-Петербургского батальона военных кантонистов, долгое время служил переводчиком на Кавказе, затем преподавал татарский язык в Новочеркасской гимназии. В 1844 г. Санкт-Петербургским университетом ему было выдано свидетельство, в котором указывалось, что на испытаниях он показал хорошие познания в арабском, персидском, турецком языках, в татарском – отличные и может занимать место старшего учителя означенных языков в гимназиях. В газете «Кавказ» (№№ 20, 30, 31, 32, 33 и 34) он опубликовал большую статью «Племя адыге», которая содержит сведения о территории и численности адыгских народов, о религии, сословных отношениях, языке и фольклоре [2, 50-51].

В статье Т. Макарова резко и безапелляционно заявлялось: «Если затруднительно вести переписку по-арабски и по-русски, то неужели будет легче писать на таком языке, на котором еще никто не писал? Кабардинский язык... не имеет письмен., азбука, составленная нашими кавказскими ориенталистами, неизвестна народу, изучение черкесского языка в Ставропольской гимназии далее классных стен не пошло». И далее ярый защитник русификаторской политики заявляет: «Если бы поддерживать русскую грамоту в Кабарде со дня покорения ее, то положительно там не было

бы другой письменности, кроме русской».

Макаров выступил против введения кабардинской письменности, но наибольшее озлобление вызвало у него предложение Атажукина вести делопроизводство в Кабарде на родном языке. В статье Макарова читаем: «Чем привьется, не лучше ли развивать то, что непременно разовьется, не лучше ли воспользоваться давнишним стремлением народа к изучению русского языка и тем самым только возобновить письменность, существующую между всеми подданными России: повторяю, привьется ли еще то, с чем народ не знаком, а если привьется – то каков будет плод? Я не говорю уже о том, следует ли вести официальную переписку на том языке, который не имеет официальных письмен, на языке, на котором говорят несколько тысяч человек, а не на том, на котором пишет восемьдесят миллионов, тем более, что так те, так и другие – подданные одного царя, одного отечества».

В 18 номере газеты Атажукин в статье «Ответ Т. Макарову» доказательно опроверг его позицию: «Приведа выдержку из нашей статьи, напечатанную газетой “Кавказ” и относящуюся к предложению вести переписку аульных управлений по-кабардински, г. Тимофей Макаров в доказательство того, что русский язык не чужд кабардинцам, приводит, что “не так давно половина Кабарды объяснялась с русскими без переводчиков”. И затем удивляется, “неужели дело пошло назад, где же обучавшиеся в различных русских школах” и “почему теперь трудно найти сельских писарей, а в тридцатых годах был секретарем Кабардинского суда природный кабардинец”» (автор имел в виду Ш. Б. Ногмова, который с 1838 по 1842 гг. служил в качестве секретаря Кабардинского временного суда. – Т. Б., А. К.).

«У кабардинцев, – продолжает просветитель, – действительно есть стремление учиться русскому языку, и оно непрерывно усиливается, так точно и число обучающихся в русских школах возрастает, потому, что, если в тридцатых годах явился один способный по своим знаниям русской грамоты нести обязанности секретаря суда, то

теперь можно насчитать таких десятки. Но, несмотря на все это, знание русского языка подвигается очень туго, и оно не развилось настолько, чтобы язык этот мог заменить народу его родной, чтобы предлагать на нем массе необходимые ей полезные знания».

Доказывает вышесказанное то обстоятельство, что почти все кабардинцы не говорят с русскими без переводчика. Медленность распространения русского языка, замечает Атажукин, естественна, он советует Макарову обновить свое знакомство с Кабардой и убедиться, что настоящее положение в крае иное.

Вступив в полемику с Макаровым, просветитель пишет: «Так, он говорит: “если бы поддерживать русскую грамоту в Кабарде со дня ее покорения, то положительно там не было бы другой грамотности, кроме русской”».

Не знаем, что кроме фантазии, внушило подобное мнение г. Тимофею Макарову, но мы, судя по результатам, полученным до сих пор, не решаемся предсказать, даже приблизительно, время, в какое все кабардинцы могут научиться русской грамоте и пользоваться ею с выгодой для себя. Если г. Макаров может указать такое время в не бесконечно отдаленном будущем, мы отказываемся от всяких попыток введения кабардинской письменности».

Атажукин считает, что Тимофей Макаров приходит к неправильному выводу о том, что на кабардинском языке, на котором еще никто не писал, переписку будет вести труднее, чем на арабском. «Более опрометчивого сопоставления, – читаем в статье, – кажется, трудно и придумать, с этим, вероятно, согласится и г. Макаров, несколько обдумав его. Но, если размышления не помогут, его достаточно убедит: удобно ли “писать на том языке, на котором еще никто не писал”, тот факт, что бывшие ученики школы для приготовления сельских учителей кабардинской грамоты, не имея никакого понятия о грамматике, излагали между тем свои мысли на кабардинском языке очень ясно и последовательно.

Приводимые им в подкрепление своего

вывода факты, именно, что «кабардинский язык не имеет письменности, азбука его неизвестна народу и изучение его в Ставропольской гимназии не пошло далее классных стен», ничего не доказывают и притом, исключая первого, не совсем верны, как видно из предыдущей статьи нашей».

Возмущение горского просветителя вызывает и то, что Макаров предлагает сначала привить народу письменность, а потом уже ввести переписку по-кабардински, но для этого надо вначале обучить ей мулл. Продолжая полемику с Макаровым, Атажукин высказывает следующую мысль: «С необходимостью привить письменность к народу мы согласны, конечно, но невозможно допустить справедливость его суждения относительно местных властей и заключения, к которому оно приводит его. Власти, относящиеся добросовестно к своим обязанностям, считают и теперь своим долгом по мере возможности изучать язык управляемого ими населения, в этом случае для них нет разницы, ведется ли переписка на родном языке или нет. Но незнание ими языка или письменности помешает ревизии аульных книг. По обстоятельствам, о которых нет надобности говорить здесь, самые добросовестные начальники при всем желании не могут изучить язык подвластного им населения, однако управляют им при помощи переводчиков. То же будет и при ведении переписки по-кабардински. Напротив, предлагаемая мера и для властей удобна. Состоящие при них переводчики, большая часть которых знает и теперь свою родную грамоту, при введении ее в аульную переписку первые научатся ей, и они устранят неудобства переписки по-арабски, о которых мы упоминали в предыдущей статье».

На основании сказанного просветитель делает вывод о том, что он не видит, «почему «последняя будет горше первой». Напротив, вникнув во все приведенное нами здесь и прочтя предыдущую статью нашу, и г. Макаров должен согласиться, что плоды «последней» во всех отношениях будут «изобильнее и вкуснее», впрочем, если г. Макаров не отвергнет пользы просвещения».

Почти целиком приведя и разобрав заметку Макарова, Атажукин, желая избежать бесполезной полемики, не говорит о вопросах, по которым тот не высказывает своего мнения, а «на остальные рассуждения его о том, привьется ли к народу кабардинская письменность и т.п., есть ответ в предыдущей статье нашей. И, надеемся, сообразив все сказанное нами, г. Тимофей Макаров признает справедливость мнения, высказанного нами в начале этого ответа» [3, 141-144].

Надежды Кази Атажукина не оправдываются, и в 25 номере газеты «Терские ведомости» он вновь читает статью своего оппонента, в которой ясно видно пренебрежение к горцам и их культуре: «Я остаюсь при том убеждении, – пишет Т. Макаров, – что вводить кабардинскую письменность – то же самое, что воскресить египетских жрецов с их особой азбукой, которая была неизвестна большинству, или вводить шифрованную азбуку, пожалуй, даже стенографию, что кому-нибудь, может быть, будет и выгодно, но большинству будет положительно вредно».

Макаров злорадствует, что педагогическая школа в Кабарде не дала практических результатов, он умышленно не принимает во внимание те перечисленные Атажукиным факты, которые помешали ее плодотворной работе. Он называет кабардинскую письменность «фантазией К. Атажукина». «Что существует кабардинская письменность, – пишет он, – автор доказывает тем, что по-кабардински писали бывшие ученики школы для приготовления сельских учителей. Что, эти бывшие ученики сделались учителями? А настоящие ученики есть? Что, кроме фантазии, говорится в ответе, внушило мне мнение, что «если бы поддерживать русскую грамоту в Кабарде со дня ее покорения, то положительно там не было бы другой грамотности, кроме русской»... Хотя я не следую внушениям фантазии, но не мешаю фантазировать другим – вводить кабардинскую письменность» [4].

В своей статье Атажукин очень тактично и с чувством собственного достоинства

подчеркивает, что введение делопроизводства в аульных управлениях на кабардинском языке будет способствовать быстрому распространению письменности. Напротив, «взгляд г. Макарова на кабардинскую письменность, а следовательно, результаты ее введения, совершенно противоположен нашему. Осуществление того, что он предлагает, должно оттянуть на бесконечно долгое время распространение грамотности. Зная это, могли ли мы сказать, что он предлагает “какую-то меру для распространения грамотности”? Напротив, судя по всему им сказанному и видя вопросительный знак, им поставленный пред выражением нашим: полезные (?) сведения и означавший вероятно то, что он отвергает существование сведений, полезных для народа, мы расположены скорей думать, что он не признает пользы грамотности и знаний для народа».

Кабардинский просветитель справедливо обвиняет Макарова в том, что он упорно не слышит своего оппонента: «Впрочем, и сам г. Макаров не обвинил бы нас в этом, если бы, упершись на одном ничего не говорящем факте, что в 30-х годах секретарем кабардинского суда был природный кабардинец, не отказывался затем упорно слышать что бы то ни было.

Делая сам промахи, г. Макаров становится нехстати взыскательным к нам. Так, он обвиняет нас в том, будто мы говорили о грамотности, когда он имел в виду говорить о письменности. Между этими двумя словами мы не видим большой разницы, а говоря о Кабарде, мы не допускаем и возможности существования письменности без грамотности, а пока и никакой другой письменности, кроме кабардинской, следовательно, даже говоря о грамотности в то время, когда г.Макаров разумел письменность, мы были бы правы с нашей точки зрения».

Заканчивая статью «Еще ответ г. Макарову», Кази Атажукин делает вывод о том, что в действительности его мало волнуют проблемы введения письменности в Кабарде на родном языке, поэтому он не видит очевидного: только это является прогрес-

сивным средством ускорить ход всех вообще дел в Кабарде: «Если бы г.Макаров действительно интересовался разъяснением вопроса о кабардинской письменности, он, не уклоняясь от предмета и не затемняя его ни на чем не основанными предположениями о том, будто бы введение этой письменности кому-нибудь может быть и выгодно, но большинству будет положительно вредно, привел бы какие-либо ясные доказательства в подкрепление своего мнения. Так точно он не связывал бы вопроса о кабардинской грамотности с каким-то понятным движением дел в Кабарде, им одним замеченным, и, прочтя внимательнее наши предыдущие статьи (что кажется было совершенно необходимо, если только г. Макаров затеял полемику с нами с какою-либо серьезной целью), увидел бы, что введение письменности не вызвано движением назад, а предлагается как средство ускорить ход всех вообще дел в Кабарде путем развития массы» [5, 147-148].

Статья Атажукина не успокоила Макарова, и в 30 номере газеты «Терские ведомости» появилась еще одна статья [6], в которой еще более непримиримо он приводит доводы о ненужности введения письменности в Кабарде, так как она якобы помешает введению русского языка. Он вновь высказывается против введения деловой переписки на кабардинском языке: «Тут не нужно как и почему, или на каком основании нельзя вести официальной переписки по-кабардински... официальную переписку должно вести непременно на русском языке».

Пolemика с Макаровым явно затянулась, и в 33 номере газеты появляется еще одна статья Кази Атажукина «Последнее слово г. Макарову». В ней просветитель отстаивает предложенную им идею введения кабардинской письменности. Он считает неправильным отложить образование народа до того времени, пока большинство овладеет русским языком: «Распространение русского языка в Кабарде не оттянет на долгое время распространение грамотности», – говорит г. Макаров и говорит истину неоспоримую, но не идущую к делу. Было

бы еще понятно, если бы кто-либо говорил противное. В наших ответах нет ни слова о том, что распространение русского языка оттянет на долгое время распространение грамотности. Мы говорили лишь о том, что откладывать распространение грамотности в Кабарде до тех пор, пока масса кабардинцев не научится по-русски, – значило бы оттянуть на неопределенное время грамотность кабардинцев. А это, кажется, не одно и то же, и мы не понимаем, каким образом г.Макаров мог перетолковать по-своему наши слова» [7, 149].

Аргументировано и доказательно Кази Атажукин настаивает на своей концепции. Он дает «резкую отповедь» заявлению Макарова о том, что якобы на отделении восточных языков Новочеркасской гимназии (она готовила военных переводчиков) кабардинский язык не изучался по причине того, что он не имеет письменности, бесполезен и не нужен. Атажукин спокойно замечает, что кабардинская письменность существовала и до открытия отделения восточных языков, а «туземные языки никто еще, сколько нам известно, не сортировал на полезные и бесполезные, поэтому в Новочеркасской гимназии не обучали кабардинскому языку не по этим, а, вероятно, по другим причинам».

«Фраза, по поводу которой употребили мы слово спохватился, – продолжает Атажукин, – включает в себе совет очень запоздалый, потому и слово это приведено совершенно уместно. Последнее толкование г. Макаровым этой фразы не лучше ее прежнего прямого смысла, т.е. совета, о котором сейчас говорилось. Оно гласит: «не вводите в Кабарде кабардинской письменности – это помешает русскому языку»».

Анализируя не совсем корректные доводы Макарова, Атажукин не без некоторой резкости отмечает: «Если бы г. Макаров обдумал несколько, что имеется в виду при введении кабардинской письменности, он не увидел бы в ней никакой помехи для русского языка. Он забывает, как видно, что кабардинская письменность должна способствовать быстрейшему распространению грамотности и что грамотность не

должна вредить русскому языку, а, напротив, благоприятствовать его распространению. Кабардинцы и теперь сильно ощущают необходимость знания русского языка, а будучи грамотными, они найдут и средства лучше теперешних к удовлетворению этой потребности. Мы могли бы указать немало почетных отцов семейств, в свободное время корпеющих бесплодно над русской азбукой. Такие лица и многие другие не бесплодно сидели бы над кабардинской азбукой, а зная одну азбуку, не трудно узнать и другую» [8,150].

Кази Атажукин, «смело защищая право кабардинского народа на грамоту и образование на родном языке» [9, 37], заключает свою статью следующими словами: «В успокоение г. Макарова нужно заметить, что если он находит “большое сходство кабардинской азбуки с азбуками шифрованной, египетских жрецов и даже стенографией”, потому только, что “ее не будут знать десятки миллионов”, то нет и надобности в этом. Достаточно, “если ее могут узнать тысячи, а пожалуй, сотни и даже десятки (тысяч) людей”» [8, 151].

Полемика Кази Атажукина и Тимофея Макарова закончилась явной победой первого. Т. Макаров, осознав силу своего противника, предпочел замолчать. В вынужденной дискуссии с Макаровым проявилось мастерство Атажукина-полемиста, который умеет четко и грамотно парировать удары противника, не выходя при этом из равновесия.

Нельзя не согласиться с мнением Р.Х. Хашхожевой, которая считает, что, сравнивая статьи Атажукина с макаровскими, поражаясь его стойкости и мужеству, «спокойствию и уверенности в цели, высокой образованности и остроте мысли» [10, 38].

Итак, в своей дискуссии с русификатором Т.Макаровым Кази Атажукин аргументировано, «проявив такт интеллигента» и умение «четко и ясно парировать некорректные выпады противника» [11, 301], убедительно доказывает свою точку зрения на распространение в Кабарде письменности на родном языке. Он отмечает стремление

своего народа к изучению русского языка, но считает, что заменить им родной язык невозможно. Кроме того, при помощи кабардинского языка его соотечественники смогут быстрее приобщиться к образованию, овладеют русским языком и сблизятся с русской культурой. Но для этого надо обучать людей, ввести деловую переписку на кабардинском языке. Получив резкую и аргументированную отповедь Атажукина, Ма-

каров предпочел промолчать, доказав, что пальма первенства оказалась в руках образованного, умного и мужественного горца.

Общепедагогические и просветительские взгляды К. М. Атажукина носили прогрессивный характер, они отвечали духу времени, новым веяниям в демократической и педагогической мысли России и Запада, соответствовали духовным стремлениям горцев.

-
1. Макаров Т. Заметка // Терские ведомости. 1870. № 17.
 2. Кумыков Т. Х. Кази Атажукин. Нальчик, 1969.
 3. Атажукин К. М. Ответ г. Тимофею Макарову // Избранные произведения К. Атажукина. Нальчик, 1971.
 4. Макаров Т. Заметка // Терские ведомости. 1870. № 25.
 5. Атажукин К. М. Еще ответ г. Макарову // Избранные произведения К. Атажукина. Нальчик, 1971.
 6. Макаров Т. Заметка // Терские ведомости. 1870. №30.
 7. Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1991.
 8. Атажукин К. М. Последнее слово г. Макарову // Избранные произведения К. Атажукина. Нальчик, 1971.
 9. Хашихожева Р. Х. Кази Мусабиевич Атажукин // Кази Атажукин. Избранные труды. Нальчик, 1971.
 10. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. 1.
 11. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007.